

Л. Е. Агапова, Н. Н. Иванов

Развитие образных представлений школьников в работе с художественным текстом

В статье обобщен методический опыт, посвященный развитию образных представлений учащихся младшего и среднего звена. Данная проблематика представлена в контексте литературного развития школьников. Авторами раскрыты филологические, психологические и методические особенности анализа и восприятия рассказов-миниатюр Л. Толстого. Обобщен опыт формирования представлений учащихся о художественной системе литературного произведения. Рассмотрено соотношение восприятия и понимания, предложены методические находки, способствующие развитию образных представлений учащихся.

Ключевые слова: образные представления, интерпретация текста, художественное восприятие, анализ произведения литературы, образ, система персонажей, мотив.

L. E. Agapova, N. N. Ivanov

Development of Schoolchildren's Figurative Representations in Work with the Art Text

In the article the methodical experience devoted to the development of figurative representations of pupils of a younger and average level is generalized. The given problematics is represented in the context of schoolchildren's literary development, philological, psychological and methodical features of the analysis and perception of stories-miniatures by L. Tolstoy are opened by the authors. Experience of forming pupils' representations about the art system of a literary work is generalized. Is considered correlation between perception and understanding, the methodical finds promoting the development of pupils' figurative representations are offered.

Key words: figurative representations, text interpretation, art perception, the literary work analysis, image, a system of characters, motive.

Рассказы-миниатюры Л. Н. Толстого в библиографии характеризуются бегло, мимоходом, чаще как литературные иллюстрации его педагогических взглядов и опытов, реже – в связи с творческими поисками. Предлагаем варианты интерпретации этих произведений с позиций исключительно художественных, решая дополнительные задачи параллельно.

П. Палиевский, Л. Д. Громова-Опульская, М. Громов и другие исследователи говорили о циклах развития Толстого – нравственного, философского, духовного. Усомнившись вдруг в «полезности» литературного труда, не удовлетворенный собой и миром, Толстой поселился в Ясной Поляне, женился и увлекся идеями образования. Предварительно съездил в Европу, а с 1863 по 1869 г. создавал «Войну и мир». Включенные в «Новую азбуку», «Русские книги для чтения», рассказы-миниатюры формально сопровождают школьные занятия Толстого. Но в плане творческом они – боковые побеги интенсивной, по признанию автора, нелегкой работы 1860–1870-х гг. Даже не потому, что адресованы

рассказы читателю юному, в искусстве слова неискушенному. А потому, что после «Войны и мира» Толстой пробовал писать по-другому: на малом пространстве текста передавая максимум смысла. Усилия эти увенчались успехом.

Успех – в выразительности, стремящейся к библейской. Смысл емкого, плотного, нарочито безыскусного, не олитературенного письма таится как бы между строк, как бы за текстом. Архетипы, обобщенный сюжет, символизм художественных деталей, параллели, ассоциации, то, что А. Потемня называл в слове образным представлением, а Г. Шпет – внутренней формой, рождают 2-й, 3-й уровни содержания. Нет хорошо знакомого по другим сочинениям автобиографизма, автор и повествователь, рассказчик не совпадают. Подзаголовки – «быль», «рассказ офицера», «описание», «рассказ» – позволили автору спрятаться за объективным повествователем, избежать прямых оценок, морализаторства, дидактизма. И снять условность сочинения, усилить иллюзию достоверности изображенного: кто-то рассказывал, где-то я читал об этом, а что-то и

видел сам. «В Лондоне показывали диких зверей и за просмотр брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям» [«Лев и собачка». – Толстой, 1988: 89]. «Один корабль обошел вокруг света и возвращался домой» [«Прыжок». – 1, с. 119]. «Наш корабль стоял на якоре у берега Африки» [«Акула». – 1, с. 116].

«Девочка и грибы», «Акула», «Прыжок», «Пожарные собаки», «Булька» – эти и другие миниатюры построены так, чтобы привязать читателя к случаю рядовому, цена исхода которого, однако, жизнь или смерть. И потому не бытовому, а бытийному. И убедить в типичности таких эпизодов, могущих произойти с каждым, со всеми, со мной. Исчезает дистанция между текстом и читателем. Особенна и «диалектика души» в данных рассказах: вызвав соответствующие событиям эмоциональные реакции, варьируя и не называя какое-то ведущее чувство, втягивая в него персонажей и читателя, Толстой возвращает на почве субъективного восприятия другие переживания, заставляет испытать, «что должно». Но что?

Вот 2 мальчика плавают «наперегонки в открытом море», но «вдруг с палубы кто-то крикнул: «Акула!» – и все мы увидели в воде спину морского чудовища» [«Акула». – 1, с. 117]. Динамизм событийный – это внешний план, а план 2-ой – ассоциативный, чувственный. Спина акулы, скрытой в толще воды – образ глубинного, подсознательного ужаса и страха. Акула не видна, и тем могущественнее ее власть над нами, потому что разум, воспринимая архетип, продуцирует свои варианты «морского чудовища». Пейзаж-заставка оттенил драматизм ситуации – «день был прекрасный» [1, с. 116]. Первый и единственный раз само чувство – страх – названо позже, когда артиллерист готовился стрелять. А пока полстраницы предшествующего выстрелу текста близят эмоциональной взрыв. Матросы спустили лодку, но дети не видят акулу. Она все ближе, но «ребята плыли дальше, смеялись и кричали еще веселее и громче прежнего» [1, с. 117]. Догадываемся, что испытывал артиллерист, отец одного из мальчиков: «бледный, как полотно, не шевелясь, смотрел на детей» [1, с. 117]. В такие моменты время останавливается, жизнь летит перед глазами.

Дети, «как ящерицы, вытягивались в воде», но появилась спина «морского чудовища», и вскоре последовал «пронзительный визг» одного из детей. И «визг этот как будто разбудил артиллериста» [Толстой, 1988: 118]. Характерна такая

«биологическая» микрообразность: выражены основы, животнo-звериное начало бытия. В воде человек разумный проиграет акуле – представителю стихии. Человек – венец творения, царь природы – где он? Нет его, но есть царство естества, жизни, управляемое звериным инстинктом. Люди и животные (акулы, обезьяны, собаки, львы) в этих рассказах сопоставлены по линии физиологической, природной. С другой стороны, дикие звери способны на любовь и привязанность, искренние, здоровые, не извращенные разумом чувства («Лев и собачка», «Пожарные собаки», «Булька»). Означенные характеристики персонажей по линии затаенных инстинктивных переживаний и здесь, и в военных сценах «Севастопольских рассказов», «Войны и мира» обоснованы исходной позицией Толстого. Допускаем, что такие параллели и виделись ему как художественный результат.

Какими еще средствами добивался Толстой цели? Созерцание разыгрывающейся драмы, ожидание развязки быстро охватывает чувством единым всех, кто и в море, и на палубе, и с книгой в руках. Изображенные глубинные, невыразимые чувства имеют типологичные признаки в тексте разных рассказов. Визг как будто «разбудил» артиллериста. А в рассказе «Прыжок» мальчик «опомнился от крика», когда «в народе кто-то ахнул от страха» [1, с. 121]. В рассказе «Акула» страх, предшествуя выстрелу, неожиданности, предваряет эмоциональную кульминацию. «Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет (здесь и далее выделено нами. – Н. И.) Раздался выстрел, и мы увидели, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застал нам глаза» [«Акула». – 1, с. 118]. Именно эта немая и «слепая» сцена открывает простор для переживаний. Сцены кульминации, резко переходя в развязку, варьируют одну ситуативную модель, перекликаются даже лексически. В рассказе «Прыжок» мальчик – вверху, на перекладине мачты. «Все молча смотрели на него и ждали, что будет. Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался» [1, с. 121]. Затем появился его отец с ружьем. Развязки построены на ожидании, неизвестности. В «Акуле» все ждут, когда разойдется дым над водою, в «Прыжке» – «секунд через сорок <...> вынырнуло тело мальчика» [1, с. 122]. Состязаются человек и зверь: акула, обезьяна. Обезьяна – сама

природа инстинкта – заслоняет сына капитана корабля, ее «внутренний мир» развернут шире человеческого. От мальчика же требуется поступок. На помощь приходит отец.

В обоих рассказах эмоциональная палитра осложнена отцовскими чувствами. Отцы не просто спасители, в их руках жизнь и смерть детей. В моральном праве отцы поднимаются до высоты Отца Небесного, совершают деяния на грани разумного, как бы за чертой человеческого, что проявилось и в поступках, эмоционально. После выстрела артиллерист «упал подле пушки и закрыл лицо руками». Капитан, увидав, что его сын жив, «вдруг закричал, как будто его что-то

душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет» [1, с. 122]. Символизм отцов здесь задан в духе библейского архетипа: Отец оправляет Сына (сына) в мир, на войну, на смерть или избавляет его от смерти и поднимается над зверем. Рассказы-миниатюры Толстого обладают бездной еще не прочтенного смысла.

Библиографический список:

1. Толстой, Л. Н. Ясная Поляна [Текст] / сост. И. Халтурин. – М. : Детская литература, 1988. – 144 с.